

Дробижева Л. М.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН
E-mail: drobizheva@yandex.ru
Тел.: +7 (499) 128 56 51

Аннотация. В статье на основе репрезентативных опросов Института социологии РАН (далее ИС РАН) анализируются основные идентификаторы, лежащие в основе российской идентичности, сделан вывод о государственно-гражданском характере этой идентичности, возможности ее развития в направлении гражданской консолидации.

В статье использованы материалы следующих публикаций автора, изданные ранее: Российская идентичность и межэтнические отношения. В кн.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. С. 210-227; Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011. Вып. 10 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 72-85.

Ключевые слова: российская идентичность, соотношение гражданской, этнической и локальной идентичностей, межэтническое согласие, пороги толерантности.

На фоне очевидных усилий власти с начала XXI века деполитизировать этничность российское общество в условиях выборных кампаний 2011-2012 гг. столкнулось с актуализацией межэтнических взаимодействий. Это имело следствием появление статьи В. В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹ и Указа Президента РФ № 602 от 7 мая 2012 г., в котором говорилось о разработке и утверждении «Стратегии государственной национальной политики».

Принятию стратегии предшествовала демократическая процедура обсуждения проекта Стратегии, подготовленного Советом по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Обсуждения были проведены во всех субъектах федерации, в них участвовали региональные структуры власти, общественные объединения, ученые. Стало очевидным, что некоторые положения проекта Стратегии вызывали непонимание или воспринимались искаженно. В частности, положение о российской нации, российской идентичности некоторыми трактовались как замена идентичности народов, населяющих нашу страну. Между тем, в проекте Стратегии говорится: «Российская нация... сообщество

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством».

Российская нация не исключает существования иных национальностей. В ряде государств существует такая же ситуация, как в России. В Испании есть испанская нация (политическая нация), но есть и каталонцы, баски и другие этнокультурные общности, которые именуются нациями.

При этом формирование идентичности граждан во всех странах считается необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. Материалы общероссийских социологических исследований ИС РАН¹, опросы Левада-Центра, Европейского социального исследования ЕСИ (ESS) и исследований под руководством автора в ряде республик Российской Федерации, дают возможность рассмотреть изменение содержания российской и этнических идентичностей, интеграционный потенциал, содержащийся в представлениях людей, идентифицирующих себя с гражданами России, и проблемы, решение которых важно для укрепления гражданской общности.

Термин «российская идентичность» может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание. При формировании государственной идентичности волей лидера, политической элитой основные идеи закрепляются в официальных документах, воздействуют на общественное сознание, конструируя лояльность государству, представления о его истории, законах, нормах.

Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, чувства общности с согражданами, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. В кросс-культурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется обычно принятием ответственности за дела ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политической жизни, чувством солидарности, гордостью за свою страну.

Естественно, между государственной и гражданской идентичностью нет непроходимой стены, и наши соотечественники не всегда их различают. В данном случае мы используем понятие «государственно-гражданская идентичность». В случае гражданской идентичности мы уточняем, что это *национально-гражданская идентичность*, которая включает отождествление с гражданами страны, солидарность, ответственность и чувства, переживаемые людьми (гор-

¹ Исследование проведено при поддержке Фонда им Ф. Эберта, охватывало 58 поселений, было опрошено 1750 респондентов. Руководитель проекта ак. М. К. Горшков. Раздел по идентичности и межэтническим отношениям выполнялся автором статьи. Там, где нет специальных ссылок, данные приводятся по этому проекту.

дость, обиды, пессимизм или энтузиазм); здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы — готовность к действию во имя этих представлений и переживаний.

Во многих Европейских странах процесс формирования политической нации завершился исторически раньше, чем в нашей стране. Тем не менее, и там с притоком новых мигрантов он осмысливается иначе. Сложность проблемы в России усугубляется тем, что гражданскую идентичность у нас формировали после развала СССР, потери государственной идентичности миллионами и национальных движений, в ходе которых имела место актуализация этнической идентичности.

Этническую идентичность мы понимаем как представление о своем народе, его языке, культуре, территории, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений¹. Элементом когнитивно-эмоциональных компонентов в структуре государственно-гражданской и этнической идентичности является система представлений о действительных или воображаемых чертах своей общности (автостереотипы) и дифференцирующих представлений о других группах (гетеростереотипы)². Последние существуют в отношении и жителей других стран, и других этнических групп. Ими измеряют отношения между группами, которые в свою очередь являются характеристикой позитивных или негативных проявлений идентичности.

Нами используется понятие «согласие в межэтнических отношениях», «толерантность», что предполагает анализ социально-психологического уровня отношений, а не институционального, политического. Но вместе с тем мы используем понятие «межэтнические», а не «межкультурные» отношения, т. к. общение респондентов с людьми разных национальностей определяется не только особенностями культурных традиций, но и интересами — социальными, политическими, экономическими.

В социологии и психологии идею формирования идентичности как результата межэтнических взаимодействий связывают с именами Дж. Мида и Г. Тэджфела³. Но совершенно очевидно,

¹ Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. М.: 2006.

² Разработка проблемы аналогичных этнических стереотипов как системы в этническом самосознании велась Г. У. Солдатовой (Кцюева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // «Психологический журнал». 1986. Т. 7. № 2).

³ Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup Behavior. Oxford, 1981.

что в формировании идентичностей важную роль играет система идей, ценностей¹, которые формируются элитами и государством через систему образования, СМИ.

В России с начала XXI в. на уровне высших государственных органов транслируется консолидирующее понятие политической нации в значении согражданства, т. е. сообщества граждан российского государства. Такая трактовка вкладывается в дискурс через понятия «российская нация», «единый народ России»² в значении различных национальностей³.

В этом случае мы имеем дело с известным парадоксом идентичностей. В мировом научном сообществе и публичном пространстве артикулируется, что государство и этничность в глобальном обществе теряют значение. И в тоже время после событий 11 сентября 2001 г. президент США Дж. Буш обращается к согражданам: «мы — нация», которая даст отпор террористам. А президент РФ Д. Медведев заявляет после событий на Манежной площади: «...наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну»⁴. Существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом, утверждает Ф. Фукуяма, рассуждая об идентичностях в США и европейских государствах⁵.

Конечно, при всех общих процессах, которые идут во многих странах, в России в последние 20 лет были особые условия: изменились пространственные очертания государства, его устройство, система отношений, устои и образ жизни людей, этнический состав населения.

В первые годы новой России немало людей старшего и среднего поколения еще чувствовали себя «гражданами СССР». В отличие от народов Союзных республик, которые воспринимали себя советскими людьми, но одновременно ассоциировали себя с конкретной республикой — Арменией, Грузией и т. д., жившие в РСФСР редко идентифицировали себя как россиян.

¹ Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things / Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N. Y.: W. W. Norton Company, 1995.

² Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации URL: <http://2002.kremlin.ru/events/42.html> (Дата обращения 16.01.2013).

³ Путин В. В. Выступление на встрече с представителями общественности по проблеме Северо-Кавказского региона. 8 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации URL: <http://2002.kremlin.ru/events/95.html> (Дата обращения 16.01.2013).

⁴ Медведев Д. А. Выступление на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [Электронный ресурс]. Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/10312> (Дата обращения 23.02.2013).

⁵ Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. № 2. P. 5–20.

Болезненность появления Российской Федерации в результате распада СССР сказывалась не только на утверждении российской идентичности, но и на ее характере, содержании представлений о ней, установках россиян по отношению «к другим». Естественно, когда в сознании людей разрушалась прежняя государственная идентичность, актуализировалась этническая, региональная, конфессиональная идентичность.

По данным исследования ИС РАН «20 лет реформ глазами россиян» (2011 г.), 95% опрошенных в стране в той или иной степени идентифицировали себя как «граждане России». Конечно, эти данные получены по всероссийской выборке, где подавляющее большинство составляют русские. По результатам опроса 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Среди других наиболее значимых идентичностей это оказалась наиболее сильная, уверенная идентичность (см. рис. 1).

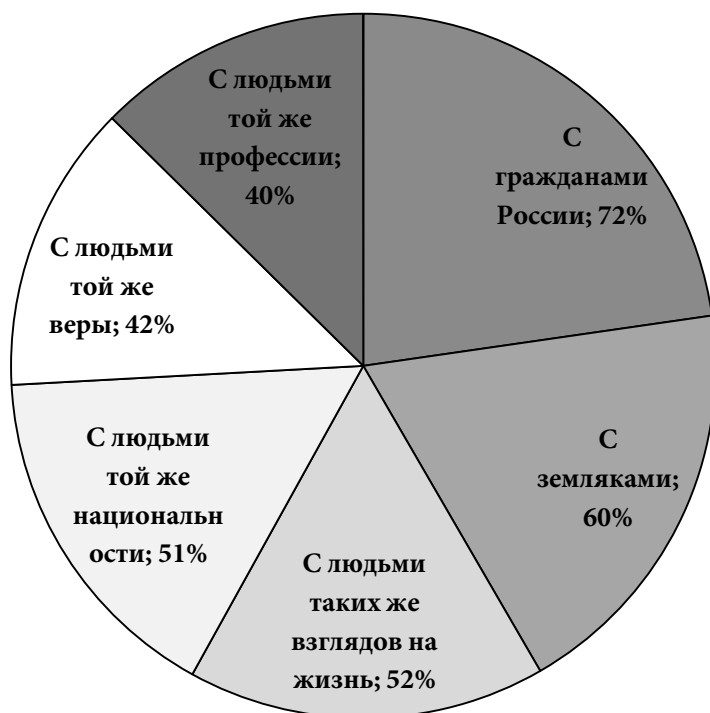

Рис. 1. С кем люди ощущают связь в значительной степени (Закрытый вопрос, доля выбравших каждую из позиций, в %)

Между тем, еще в 2004 г., согласно опросам, российская идентичность по масштабам и интенсивности очевидно уступала этнической идентичности. А сильную связь с гражданами России ощущали 31% респондентов.

Данные других исследовательских центров подтверждают эти тенденции. В октябре 2012 г. Центр Юрия Левады провел опрос по репрезентативной выборке среди 1516 россиян. Ими также было установлено, что свою «связь с Россией» чувствуют 85% опрошенных, при этом 62% ощущают эту связь «очень сильно» или «довольно сильно». Страновая идентичность, в которой есть элементы и государственной и гражданской идентичности, по силе связи оказалась несколько сильнее, чем региональная (62% против 56%).

Если в 2004 г. идентификация со страной, хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, взглядам на жизнь и национальности, то к 2011-2012 гг. *российская идентичность стала самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей*, а ощущение «сильной связи» с гражданами России выросло вдвое¹. По силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ².

В новой российской идентичности присутствует и досоветский пласт исторической памяти, которая является важным элементом, интегрирующим граждан страны. По данным наших исследований при обосновании российской идентичности «общее историческое прошлое» шло на 4-5 месте в разных регионах страны.

Особенность нашего времени в том, что в общем прошлом люди видят одни и те же события нередко по-разному. Такие «войны в исторической памяти», конечно явление не только российское. По-разному трактуются причины войн, завоевания, колонизация и деколонизация и иные события.

Ситуация 90-х годов ознаменовалась пересмотром практически всей предшествовавшей истории России. И лишь постепенно отбирались трактовки событий – эпохи Петра I или Великой Отечественной войны, в которых находили более-менее сходные восприятия.

Так или иначе, воспринимая конкретные события, 80% населения по данным последних опросов Левада Центра (октябрь 2012 г.) гордится Российской историей³.

В 2000-е гг. притупилась боль у тех, кто остро переживал распад Союза, люди стали привыкать к новому месту страны в мировом сообществе. На смену сплошной критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» постепенно ста-

¹ В сравнения не включены семейные связи, которые по всем исследованиям бывают самыми сильными.

² За сравнение взяты данные ISSP 2003 г., где связь фиксируется через ответ на вопрос, ощущает ли респондент связь со своей страной «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно», «совершенно не чувствую связи». Нами объединены два первых ответа. Наши сравнения не корректны с точностью до процента, но схватывают тенденцию.

³ Суммарные данные ответивших «очень горжусь» и «в какой-то мере горжусь» (41%).

ло приходиться понимать необходимость трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Определенные результаты давало использование механизмов нациестроительства – стимулирование чувства достоинства, самоценности граждан. Молодежь откликнулась на призыв «Россия, вперед!», начала проявлять интерес к исторической реконструкции (Невская битва, Бородино и др.), участвовать в военно-спортивных организациях («Военный десантник», «Русские витязи» и др.). Вопрос теперь в том, как не допустить использования этих молодежных организаций деструктивными силами.

Почти полное совпадение принятия и государственно-гражданской, и этнической идентичности (95% и 90%) дает основание предположить, что для многих опрошенных, особенно для тех, кто ощущал «сильную связь» и с людьми своей национальности, и с гражданами России, российская идентификация наполнялась этническим содержанием.

Хотя, как показывали глубинные интервью, содержательно эти идентичности различались. Раскрывая свое понимание российской идентичности, респонденты чаще говорят о государстве, месте России в мире, принадлежности к цивилизационному ряду, истории страны и достижениях в науке, профессиональной культуре. Это подтвердили и опросы ИС РАН, и опросы Левада-Центра, в которых социологи интересовались чем гордятся люди. Более всего граждане гордятся Российской историей (80%), «достижениями России в области литературы и искусства (73%), достижениями в спорте (74%), научными и техническими достижениями (66%) и вооруженными силами (59%)». И куда меньше мы гордимся социальной защитой и социальной справедливостью, положением с экономикой и демократией (23-33%).

Те же тенденции были установлены нами при проведении исследований в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане. Очевидно, что Российская идентичность базируется преимущественно на государственных и общегражданских представлениях и ценностях. Понятие же этничности раскрывается через происхождение родителей, язык, обычаи, обряды, принадлежность к конфессии.

Когда респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» по общероссийскому опросу 2011 г. 25% ответили, что ощущают себя в равной мере и теми, и другими, но большая часть (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называло себя «скорее россиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48% против 39%).

Что же консолидирует россиян? Согласно многочисленным исследованиям, самым значимым фактором для консолидации является государство: оно набирает вдвое большее число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян — 60-75%. Объединяет гордость за достижения в культуре, науке, общая история. Среди других консолидирующих представлений 20-35% респондентов называют «ответственность за судьбу страны», «человеческие связи», родную землю, природу, язык и культуру. Обычаи, черты характера и иное называли до 10% респондентов. Это вполне естественно, ведь речь идет о российской идентичности, которая не случайно россиянами воспринимается как государственная, страновая. Именно за счет такого восприятия она так быстро становилась массовой.

Не только в субъектах РФ с доминирующим русским населением, но и в Саха (Якутии), Башкортостане идентифицировали себя гражданами России до 90% и саха, и башкир, и русских. В Татарстане татары и русские чаще всего чувствовали себя и россиянами, и татарстанцами (63% и 71% соответственно).

На идентификацию себя с гражданами страны влияют разные обстоятельства. Человек отождествляет себя с той или иной общностью, он свободен в выборе и делает его на основе *осознания* (в основе — конструктивистский подход по П. Бергеру, Т. Лукману). На выбор личности может влиять и этнический состав населения (если прибывают новые иммигранты, то человек чаще может ощущать свою страновую и этническую отличительность), и политическая ситуация (например, значимость действий центра для региона). Так, для якутян важно, как осуществляется северный завоз, без которого на их территории нельзя прожить, как помогает Центр во время наводнений и т. д. Имеет значение историческая традиция и недавние события, связанные с национальными движениями, конфликтами, что очевиднее всего это проявляется в северо-кавказских республиках.

От конкретных региональных ситуаций зависит и само содержание представлений о российской идентичности, в соответствии с которыми человек ассоциирует себя как россиянин. У одних людей превалирует ассоциированность по принципу государственной принадлежности, у других — выполнение гражданского долга, обязательств перед своими согражданами. В первом случае российская идентичность выступает больше как национально-государственная, политическая идентичность, во втором — как идентичность гражданская. Между ними нет, как упоминалось, непроходимой стены. Но у нас гражданское общество еще только формируется, а историческая традиция больше акцентирует представления людей в сторону лояльности государству, нежели гражданской солидарности, поэтому значение и символы «российскости» могут различаться. И такие различия проявляются не только у людей в каком-то конкретном регионе, но и в межрегиональном разрезе.

Заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян по этническому признаку нет. Несколько больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди старшего поколения – 93% против 87% среди молодежи 18-25 лет, что связано с пережитыми им национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно, реакцией на приток инуюльтурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном выборе среди старшего поколения наших сограждан «скорее чувствующих себя россиянами» также оказалось несколько больше (53% против 44% среди 18-25-летних).

Тем не менее, 80-95% молодежи в разных концах страны и социальных группах считают себя *россиянами*, ощущают свою связь со страной, причем ощущение этой связи как сильной у большинства из них (70%) такое же, как у взрослого поколения. Это важно отметить, поскольку еще десятилетие назад такую сильную связь со страной отмечало лишь 30%.

При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичности подтверждается их совместимость и теряет остроту вопрос их конкурентности. Однако важны основания интегрированности. Исследования Левада-Центра в 1990-е гг. давали основания говорить о негативной идентичности наших сограждан, о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но очевидно, что в обществе все же есть ценности, которые становятся цементирующими. К таковым относится понятие «Родина» – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом. На вопрос «Что для Вас значит быть патриотом России?» во всех поколениях были согласованные ответы: «любить свою страну» – 95-99%, «стремиться улучшить жизнь в стране» – 92-97%, «гордиться своей страной» – 91-97%.

В исследовании ИС РАН при ответе на вопрос: «Какая идея сегодня могла бы *вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей?*» наибольшее число выборов (42%) получила *«идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы»*. Идеи «возвращения к социалистическим идеалам», «объединения славянских народов», «решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством», «правового государства» набирали 13-38% ответов. При этом мнение об «особой исторической миссии России» разделяют не более 9% респондентов, что не дает оснований однозначно толковать стремление россиян к «возрождению великой державы»

как агрессивные державнические настроения. Скорее идея величия — это компенсаторная потребность, и связана она с патриотическими настроениями, которые на сегодняшний день достаточно представлены в российском обществе: мнение «Родина у человека одна и нехорошо ее покидать» разделяет половина опрошенных (52%).

Ставшая массовой, достаточно уверенной и сильной российская идентичность, консолидирующая российскую политическую нацию, — безусловно, важный итог двадцатилетия. Но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний. Обсуждение проекта Стратегии национальной политики показывает, что еще не всеми она спокойно воспринимается. И нередко ее смыслу придается иное значение: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить этнокультурную общность, например, нацию башкир. Не случайно половина респондентов полагала, что за 2000-е гг. межнациональные отношения ухудшились. Те же данные были получены в опросах Левада-Центра¹.

Наш основной вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия общества и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом. В 1995 г. 65% респондентов называли Россию общим домом, в 2011 г. так чувствовали 47% ответивших². При этом исследования в республиках показали, что там жители более оптимистичны: среди якутян, татарстанцев, башкортостанцев 83–93% считают «Россию общим домом».

Для развития и укрепления российской идентичности важно как будет решаться вопрос с русским языком в стране в целом и регионах. Добровольность и обязательность знания языка государственного и родного может быть решена, прежде всего, в республиках в результате диалога, но закрепляться должна федеральными решениями.

Российская — государственно-гражданская идентичность должна *найти закрепление в доктринальном пространстве*. Поэтому важно, чтобы Стратегия государственной национальной политики, в проекте которой укрепление единства российской нации, названа целью, была подписана Президентом РФ и нашла в дальнейшем закрепление и в законе «Об основах государственной, национальной политики в Российской Федерации».

¹ Опрос 17-21 декабря 2010 г. фиксировал рост межнациональной напряженности у 51% респондентов [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/press/2010122703.html> (Дата обращения 12.03.2013).

² Двадцать лет реформ глазами россиян. (рук. Горшков М. К.). М.: Весь мир. 2011.

Естественно, законы нужны, но этого недостаточно, они должны находить отражение в публичном пространстве, в реальных действиях государственных учреждений, а их реализация должна контролироваться обществом.

Вот почему перед гражданским обществом стоят непростые задачи по разъяснению смысла гражданской идентичности, реальной поведенческой практики в разных сферах деятельности и конкретных культурно-исторических пространствах. Только рассмотрением стандартов обучения и утверждением 100-процентно обязательных книг для прочтения учащимися эти задачи решить не удастся.

Литература

1. «Двадцать лет реформ глазами россиян». М.: Весь мир. 2011.
2. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН. 2006.
3. Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // «Психологический журнал». 1986. Т. 7. № 2.
4. Медведев Д. А. Выступление на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [Электронный ресурс] // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/10312> (Дата обращения 23.02.2013).
5. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации URL: <http://2002.kremlin.ru/events/42.html> (Дата обращения 16.01.2013).
6. Путин В. В. Выступление на встрече с представителями общественности по проблеме Северо-Кавказского региона. 8 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации URL: <http://2002.kremlin.ru/events/95.html> (Дата обращения 16.01.2013).
7. Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/press/2010122703.html> (Дата обращения 12.03.2013).

